

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА:
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
И ЭТНИЧЕСКОЕ
ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОСОВ
КАРЕЛИИ**

КОМИТЕТ ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ
ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОСОВ КАРЕЛИИ

материалы симпозиума
сентябрь 1993 года

Петрозаводск 1993

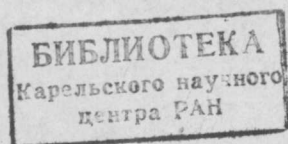
145632к

Сборник подготовлен Онежско-беломорским Региональным Вузов-
ским Центром по фольклору

Редакционная комиссия: к.иск. Т.В.Краснопольская (ответствен-
ный редактор), к.фил.н. Л.П.Михайлова, И.А.Разумова, И.Б.Се -
макова

48 м

145632к

© Всероссийская фольклорная комиссия вузов при Научно-
методическом Совете по литературе Ассоциации содействия пе-
дагогическому образованию (АСПО). 1993 г.

Мамонтова Н.Н.
Муллерен И.И.
(Петрозаводск)

ТОПОНИМИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие "культура" достаточно емкое, включает в себя явления как материальной, так и духовной сфер. Неотъемлемым элементом ее является язык и его составная часть – топонимия.

Топонимы – географические названия, возникая в определенный общественно-исторический период, несут на себе приметы того времени, когда они возникли. Только в советское время могли появиться на карте Карелии названия: Рассвет, Октябрьская, Пролетарский, Интерпоселок, а от петровской эпохи остались топонимы Петрозаводск, Петровский Ям, Дворцы, Царевичи. Они – языковое наследие наших предков, своеобразные памятники культуры. В силу своей специфики топонимия достаточно консервативна и способна сохранять слова, исчезнувшие из языка. Например, ряд пудожских названий озерных и речных мысов Буй, Буево, Боево, Боевой донесли до нас забытое новгородское слово "буй", обозначавшее высокое, открытое ветрам место. Более того, о некоторых народах, проживавших на определенной территории, теперь напоминают лишь названия мест, в частности, саамские, по происхождению – о пребывании саамов в Карелии, а множество нерусских топонимов на карте русских Заонежья и Пудожья: Кузаранда, Ламбасручей, Кижы, Канзанаволок, Варшпельда и т.д. – свидетельствуют о прибалтийско-финском прошлом этого региона.

Материальная и духовная культура прибалто-финнов и русских, проживавших в таежной зоне европейского Севера, формировалась и была тесно связана с окружающей средой, что находит отражение и в топонимии. В названиях мест широко представлены ландшафтные термины, лексика, связанная с основными занятиями жителей края (земледелием, охотой, рыболовством,

различными промыслами).

При этом примерно одинаковая среда, в которой проживали народы Карелии и сопредельных областей (саамы, карелы, велсы, финны, русские), определила одинаковость ее хозяйственного освоения, а в результате этого — множество однотипных в смысловом отношении топонимов: Белая Гора, Красная Речка, Кривой Порог, Олений Остров, Куркиеки — *Kurkijoki* ('журавлиная река'), Сяргилахта — *Särgilahti* ('плотичный залив'), Янисъярви — *Jänisjärvi* ('заячье озеро'), Каменное Озеро — *Kivijärvi* и т.п.

Конечно, у каждого этноса существовали свои особенные черты в материальной и духовной культуре. Так, у кочевого племени охотников, рыболовов, оленеводов, каковыми были саамы, большинство названий связано именно с промыслово-охотничьей стороной их жизни и быта: Нюхча (*n'uhč* 'лебедь'), Важинка, Важезеро (*vaadž* 'самка оленя'), Навдозеро (*nadv* 'зверь') и т.д. У остальных перечисленных народов, наряду с подобными саамским названиями, было множество других, свидетельствующих об основном виде их хозяйственной деятельности — земледелии, особенно подсечном: Каскозеро, Каскесручей — велс. *Kaskéi*, Каскеснаволоок — кар. *Kaskesniemi* (кар. велс.

kaski, *kas'k*, *kaskes* 'подсека') или Палоярви, Палосельга — кар. *Paloselgü*, Палалахта — кар. *Pallahti*, Палокангас — кар. *Palokangas* (кар. *palo* 'пожог, подсека').

Топонимы ценны не только тем, что отражают окружающую среду со всеми ее особенностями. В них проявляется отношение человека к окружающему миру, его оценка, причем не нашего современника, а далекого предка. К примеру, в древности вода, водные пути были единственно возможными дорогами на север, и поэтому границы освоенного мира накладывались зачастую на границы водного бассейна. Память об этом также сохраняет топонимия. Реки с названиями Илекса, Илокса (древнее прибалтийско-финское *yläks* (кар. велс. *yläh* — 'верх, верхний'), как правило, располагаются в верховьях водной системы, на

водоразделах. Подобная идея отразилась и в гидронимах с основой *matk-* 'путь, дорога': Маткозеро, Маткручей, Матка, Маткачи и др. Они намечают нередко места древних волоков, где перетаскивались суда из одной водной системы в другую, и тем самым помогают определить, в каком направлении, по каким водным путям шло освоение территорий и неизбежное при этом контактирование и взаимодействие культур разных этносов.

Очень много названий мест образовано от антропонимов (имен, прозвищ, фамилий, местных жителей), что вполне объяснимо. На ранних стадиях развития общества прежде всего получали названия физико-географические объекты и, как правило, по какому-либо свойству, качеству, признаку (размер, форма, цвет, протяженность, состав почвы и т.д.). С развитием частнособственнических отношений, в том числе и на землю, важным при назывании объектов стало не то, какие они, а чьи они, кем созданы, кому принадлежат. Отсюда названия Авдеево, Антипинская, Белохино, Большое Вороново, Васильевский Бор, Лукин Остров, Варлоев Лес - *Varloi* (*Varloi* - Варлаам), Ипполитово - *Poľu* (*Poľu* - Ипполит), Кибриннаволоок - *Kibroniemī* (*Kibroi* - Куприян, Киприян), Мишинсельга - *Mišinselgū* (*Mišši* - Михаил), Эссойла - *Đessoilu* (*Đessoi* - Ефим) и т.д. Эти и им подобные названия также дают богатый материал для изучения культурного взаимодействия как близкородственных в языковом отношении народов (прибалто-финны и саамы), так и неродственных (прибалто-финны, саамы и русские). В частности, высвечивается процесс усвоения карелами и вепсами христианского именослова с принятием ими христианства или адаптация финских топонимов русским языком и т.д.

Явления духовной культуры также могут иметь место в топонимии. Например, отголоски древних верований доносят до нас названия Чертов Стул, Бесов Нос. С поверьями связаны и прибалтийско-финские топонимы: *hiijärvi*, *hiisijärvi* - рус. Гижины, Гижезеро, Хизъярви и т.д. (кар., вепс., фин. *hiizi* , *hiisi* 'черт, леший, нечистая сила', в более древнем

значении - 'священная роща'). Сюда же можно отнести названия с основой *pühä* 'святой' типа: *Pühädärvi* - Святозеро, *Pühäniemi* - Святнаволоок.

Многочисленные "крестовые" топонимы - дань определенным традициям и обычаям ставить кресты для оберега от всего плохого в наиболее опасных местах, на перекрестках дорог или по завету (после избавления от болезни и т.д.): *Ristulambi*, *Ristanmagi*, *Ristanpeldo*, *Ristudorogat*.

Нравственные оценочные установки, хотя и реже, но имеют место в топонимии, например, существуют названия типа *Kaunis-kanges*, *Kaunisniemi* ('красивый бор', 'красивый мыс') или *Pahalambi* ('плохая ламба'). Некоторые топонимы пронизаны особой поэтичностью: луг Серебряный Ложок, озеро Золотая Куковочка, ручей *Kuldoikomäenoja* (буквально 'ручей золотого тунеса').

Образность, поэтичность - это моменты, вводящие топонимы в сферу народного творчества. Безусловно, интересна сама природа образов, формирующихся в соответствии со своеобразным видением мира и определенными мотивами народной поэзии, мифологии. Несомненно, все это требует научного осмысления с привлечением дополнительного фактического материала (сбор топонимов Карелии продолжается). Пока же есть данные, позволяющие предполагать, что образность больше свойственна топонимии в зоне распространения промыслового типа хозяйства (северная Карелия), чем в сельскохозяйственном производстве (южная Карелия). Для сельскохозяйственного типа культуры природа - это объект освоения, использования. В условиях промысловой культуры подобный утилитарный подход менее очевиден, а человек продолжает ощущать себя во многом частью окружающей среды. Это и отражает северная топонимия, в которой есть элементы персонификации природы, определенных мифологических представлений о них.

Обычно выбор того или иного топонима регламентирован целым рядом обстоятельств - и лингвистических, и внеязыковых,

как явствует из выше приведенных примеров об отражении в топонимии различных аспектов народной культуры. К этому можно добавить законы функционирования топонимической системы, модельность топонимии и ряд других факторов, программирующих появление тех или иных топонимов. И все-таки при их возникновении присутствует и творческое начало, ибо акт наречения в определенном смысле есть творческий акт. С особой наглядностью это проявляется в образных метафорических топонимах типа: порог Железные Ворота, покос Плясуныя (косьба на нем напоминала пляску из-за обилия кочек), карьер Голодайгора, озеро Нялгозеро ('голодное озеро'), гора Kukahar'j ('петушинный гребень'), поле Nižuriga ('пшеничный заком', видимо, оно отличалось хорошими урожаями).

Таким образом, в контексте народной культуры можно говорить о двоякой природе топонимов. С одной стороны, в них находят отражение разные стороны жизни и быта, явлений духовной сферы, определенные обычаи и традиции народа. С другой — топонимия сама по себе выступает важным элементом традиционной народной культуры.

А.П.Косменко
(Петрозаводск)

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ В ОРНАМЕНТЕ ВОСТОЧНЫХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ

Традиционный орнамент является довольно консервативным элементом народной культуры. Его особая историческая ценность состоит в том, что в силу своего замедленного развития он долгое время сохраняет в своем составе разновременные, порой очень древние пласты мотивов, композиций и других художественных элементов. В этих разновременных орнаментальных компонентах, которые в искусстве позднего времени переплетены между собой теснейшим образом, нашли отражение также различные